

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ ЦАРИЗМА НАД СУДОПРОИЗВОДСТВОМ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А. Цой

Рассматриваются формы контроля и надзора над судопроизводством по обычному праву у кочевых народов Центральной Азии в 1865–1886 гг.

Ключевые слова: судопроизводство; суды казиев и биев; кочевой адат; правосудие; прокурорский надзор.

После первого этапа присоединения Средней Азии российское правительство образовало на вновь приобретенных территориях в феврале 1865 г. Туркестанскую область, вошедшую в состав Оренбургского генерал-губернаторства. Однако, учитывая специфику этнорелигиозного характера присоединенных среднеазиатских земель, в 1865 г. было разработано и 6 августа “высочайше” утверждено “Временное положение об управлении Туркестанской областью”, разделившее в административном отношении таковую на три отдела: центр, правый и левый “фланги”. Начальники отделов исполняли одновременно функции командующих войсками, расположенными на их “флангах”, и, так называемых, “заведующих населением”, проживавших на подведомственных им территориях. В качестве “заведующих населением” начальники отделов Туркестанской области обязаны были наблюдать за всеми сторонами жизни коренных жителей “флангов”, в том числе, конечно, и за “туземным” судопроизводством как шариатским, так и “обычным”. Однако они не имели права опротестовывать решения судов казиев или биев, а тем более – отменять их. Но они должны были докладывать о поступивших от населения жалобах на несправедливые приговоры судов военному губернатору Туркестанской области,

который “Временным положением” от 6 августа 1865 г. был наделен и “прокурорскими” функциями. В § 5 “Положения” указывалось, что дела “туземцев” решаются “их народным судом, но приговоры оного по уголовным делам подлежат утверждению военного губернатора, который имеет право ограничивать решения в тех случаях, когда они не сообразны с понятиями о человеколюбии” [1, с. 877]. Поскольку военный губернатор Туркестанской области, согласно тому же “Положению”, имел право своей властью назначать и смещать с должности “туземных” судей (как казиев, так и биев), он мог заставить их пересмотреть свои несправедливые решения в сторону смягчения, либо отменить их вообще. Более того, он имел право своей властью отменять жестокие приговоры “туземных” судов.

Вместе с тем, следует особо отметить, что такой контроль осуществлялся, главным образом, за шариатскими судами оседлого населения. Что же касается “кочевых” судов по адату, то архивные материалы, относящиеся к рассматриваемому периоду, не сохранили сколько-нибудь конкретных данных о вмешательстве военного губернатора в “обычное” судопроизводство nomadов Туркестанской области. Это объясняется тем, что, во-первых, новая власть, с трудом обустроившаяся на “новом месте”, не могла долж-

ным образом надзирать за судом, творящимся в далеких кочевьях, как, впрочем, и за ними самими вообще. Во-вторых, “кочевые” суды практически не выносили жестоких приговоров, так как “обычное” право номадов Средней Азии не одобряло применения телесных наказаний, заменяя их “материальными” (уплата куна) и “моральными” (изгнание из рода, например).

Есть все основания полагать, что, вообще, во время существования Туркестанской области царская администрация мало интересовалась состоянием “кочевого” судопроизводства по обычному праву (адату), не усматривая в нем ничего опасного для цивилизаторской миссии России в регионе. Более того, в “Записке об устройстве судебной части в Туркестанской области” указывалось, что «суд по местным обычаям (по “кочевому” адату), суд народный, заключает в себе много прекрасных зародышей вводимого ныне у нас нового судопроизводства (Судебные уставы 1864 г. – *А.Ц.*), имеет много сходного с судом присяжным и впоследствии с развитием народа легко может быть преобразован в этот последний суд» [2, с. 2].

Конечно, этот “романтический” прогноз не оправдался. Но тот факт, что первые русские военные администраторы Туркестана испытывали больше симпатий и доверия к “кочевому” судопроизводству по обычаю (адату), неоспорим. Первый военный губернатор Туркестанской области М.Г. Черняев считал, что суд по адату (“обычному” праву) ближе к нуждам и чаяниям простого народа, нежели суд по шариату.

11 июля 1867 г. был издан царский указ “Об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской” [3, с. 1150–1151]. Величайшим указом от 14 июля 1867 г. был образован Туркестанский военный округ [4, с. 1156–1164]. Новое генерал-губернаторство, имевшее также административный статус края, было подчинено не МВД, как многие другие, а военному министерству, что означало установление в нем, так называемого военно-народного управления, означавшего соединение военной и гражданской властей в руках одних и тех же администраторов. В том же году был разработан проект “Временного положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей”. Однако он не получил законодательного утверждения, поскольку против него выступили некоторые министры, в частности, финансов и юстиции. Тем не менее, проект поддержал лично сам император Александр II, предоставивший первому туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману прак-

тически неограниченные полномочия по его реализации. Таким образом, проект “Временного положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей” 1867 г. стал почти на два десятилетия основным законом жизни населения Туркестанского края, в том числе и в части судопроизводства кочевого населения. Есть все основания считать, что проект “Временного положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями” 1867 г. явился шагом назад, по сравнению с предшествующим “Положением” 1865 г., в деле административного надзора за деятельностью как “кочевых” судов по обычному праву (адату), так и шариатских. В соответствии с этим Проектом, российские власти утратили право назначения и смещения “народных судей”. Проект не предусматривал создания в Туркестанском генерал-губернаторстве (крае) областных судов и, соответственно, учреждения должностей прокуроров при них, как это было, в так называемых внутренних губерниях самой России, функции прокурорского надзора возлагались на областные правления, но только по отношению к уездным судам по “русским” законам разбиравшим дела всех тех, кто не имел статуса “туземных” жителей края – русских, немцев, поляков, армян, европейских евреев и проч. Дела “туземцев” края разбирали их “народные суды”, которые были теперь выборными и независимыми от властей. Военные губернаторы областей Туркестанского края могли лишь утверждать в должности избранного народного судью, но ни в коем случае не смещать его с таковой. В § 200 Проекта 1867 г. указывалось на то, что представители российских властей могли присутствовать при разборе дел в “кочевых” судах, но подчеркивалось, что “вмешательство их в суд строго воспрещается” [5, с. 31]. Для того, чтобы начальники уездов или их помощники, присутствуя на съездах биев, понимали хотя бы поверхностно суть происходящего, по приказу К.П. Кауфмана, в 1873 г. были специально опубликованы “Объяснения некоторых терминов, встречающихся в киргизском судопроизводстве” [6].

Это было тем более необходимо, так как в соответствии с § 201 Проекта 1867 г., постановления чрезвычайных съездов кочевых судей – биев признавались окончательными. Таким образом, они не могли быть обжалованы и, соответственно, никто не мог их опротестовать. Однако Проект 1867 г. оставлял лазейку для административного контроля и надзора, причем в такой сфере обычного судопроизводства кочевников, которая была, пожалуй, одной из наиболее важных для них. В § 203 Проекта указывалось: “В

брачных делах сторона, недовольная решением народного суда, может обратиться с жалобой к уездному начальнику, который решает дело, а по более важным – представляет военному губернатору на его усмотрение” [5, с. 31]. Внесение в данный параграф Проекта 1867 г. формулировки: “решает дело” имело большое значение, для женщин в кочевых сообществах, тяжелое положение которых весьма тревожило российские власти в Туркестане. Особенно тяжелым было положение казахских женщин.

Так, Н. Малышев приводил пример продажи жены казахом Тажибаем Шашибаевым своему сородичу Маймаку Айбулатову за 10 голов скота и 50 руб., причем после этого он сразу же женился на другой [7, с. 19]. Чаще всего к уездным начальникам с жалобами на приговоры судей – биев обращались вдовы, которых эти приговоры, в соответствии с “обычаем” (левират), обязывали выходить замуж за брата или другого близкого родственника покойного мужа. Получив такого рода жалобы, уездный начальник решал дело по-разному. Он мог опротестовать в порядке административного надзора несправедливый приговор и направить дело на пересмотр другому бию, порекомендовав тому при вынесении нового решения, учесть интересы жалобщицы, но мог и сразу отменить несправедливое решение “кочевого судьи”, не надеясь на то, что кто-либо из коллег последнего вынесет справедливый для женщины-кочевницы приговор по делу. И. Аничков писал по этому поводу о том, что статья 203-я Проекта “Туркестанского положения” 1867 г. разрешала начальникам уездных полицейских управлений “выдавать открытые виды на проживание киргизкам, не пожелавшим выйти замуж по адату”, однако “Положение об управлении Туркестанским краем” 1886 г. отняло у них право “видеть в лице русского начальника единственный выход из своего невозможного положения” [8, с. 109]. Это не совсем так, поскольку военная администрация Туркестанского края уделяла внимание “женскому” вопросу и после принятия указанного “Положения”. Так, в январе 1899 г. туркестанский губернатор С.М. Духовской издал распоряжение о запрещении кочевникам края выдавать замуж девочек 12–13 лет, хотя обычное право (адат) разрешало заключать их браки с более раннего возраста (по шариату – с 9 лет) [9].

Что же касается “более важных” жалоб, упоминаемых в том же § 203 Проекта 1867 г., с которыми уездный начальник должен был обращаться к военному губернатору, то, чаще всего, они были связаны с приговорами по “имущественным” делам – например, неполной выпла-

той калыма. Поскольку в таких случаях сталкивались интересы не отдельных лиц, а целых родовых кочевых сообществ, то уездные начальники предпочитали передавать такие жалобы на приговоры судей “военному губернатору на его усмотрение”, сопровождая их рапортами с изложением своего мнения по поводу как самого приговора, так и жалобы на него.

Как правило, военные губернаторы областей Туркестанского края прислушивались к таким мнениям своих уездных начальников. В зависимости от этих мнений они могли “опротестовать” приговор и направить его на пересмотр на чрезвычайном съезде биев того уезда (или даже уездов). В таком случае к решению дела подключался еще один начальник уезда (иногда два), мнение которого по нему, как правило, совпадало со взглядами на дело своего коллеги-соседа (или коллег). Можно подумать, что вышеуказанная практика способствовала росту коррупционированных “настроений” среди уездных начальников Туркестанского края, выражавших при направлении жалоб военным губернаторам свои мнения в пользу тех тяжущихся сторон, которые были способны побольше за это заплатить. Безусловно, случаи подкупа уездных начальников в таких ситуациях имели место. Но они явно не носили всеобщий характер, потому что стороны, недовольные решением бия, волостного съезда биев или даже чрезвычайного съезда биев уезда, могли подавать жалобы на них непосредственно военному губернатору области, минуя таким образом “промежуточную” инстанцию – уездного начальника. Конечно, военные губернаторы в таких случаях, как правило, “спускали” эти жалобы опять-таки начальникам уездов с тем, чтобы выяснить их соображения по данному поводу.

Естественно, что при таком повороте дела, уездные начальники вынуждены были выразить свое мнение более объективно, поскольку справедливо опасались, что противная сторона, зная о жалобе соперника, может тоже подать такую, причем не только областному начальнику, но даже и генерал-губернатору. В связи с этим уместно заметить, что широчайшие полномочия, предоставленные туркестанскому генерал-губернатору Кауфману, позволяли осуществлять функции высшего административного (при отсутствии прокурорского) надзора и контроля за приговорами “народных” судов не только по семейно-брачным делам, предусмотренным § 203 и 235 Проекта 1867 г., но и по многим другим. Участник присоединения Средней Азии (позже генерал) М.А. Терентьев писал о том, что “военным губернаторам Кауфман придал права

губернских прокуроров: они могли отменять неправильно возбужденные следствия и прекращать судебное преследование по своему усмотрению” [10, с. 318].

Особенно заботился Кауфман о сохранении правовой “чистоты” судопроизводства по адату у кочевых народов края. С этой целью он последовательно боролся против “шариатизации” обычного права номадов. Одновременно Кауфман препятствовал проникновению в “кочевые” суды чуждых европейских веяний. Узнав о том, что некий Зауэр сочиняет за кочевников прошения об отмене решений судов биев, он надписал на одном из них: “Объявить Зауэру, что если он будет заниматься сочинением жалоб для туземцев, то он будет выслан из края как вредный человек” [11, с. 219]. Кауфман считал, что, чем дольше “обычное” право (адат) сохранит свои позиции среди кочевых народов Средней Азии, тем в большей мере они будут восприимчивы к усвоению лучших сторон российской цивилизации, в том числе и в сфере ее общегосударственного законодательства и судопроизводства.

В течение периода 1865–1886 гг. в управлении российскими территориями в Средней Азии, а равно и в жизни коренного населения Туркестанского края произошли серьезные позитивные сдвиги. Прежде всего, оно свыклось с новой (росийской) властью, находя ее более выгодной для себя и своих интересов, нежели деспотическая власть среднеазиатских ханов. Население стало получать регулярную медицинскую помощь, в связи с чем были существенным образом потеснены свирепствовавшие в дороссийские времена эпидемии холеры, оспы, чумы и др. На таком фоне основные принципы Проекта “Временного положения” 1867 г. быстро устаревали и туркестанские генерал-губернаторы – К.П. Кауфман (1867–1881 гг.) и М.Г. Черняев (1882–1884 гг.) – все чаще прибегали к своим, “высочайше” предоставленным, обширным полномочиям по управлению краем. Одни их “импровизации” следует признать удачными, а другие сомнительными, в том числе, отчасти, и в сфере “туземного” судопроизводства. Административный контроль и надзор над последним был недостаточно эффективен. Так, сенатор Ф.К. Гирс – глава правительственной “ревизии” Туркестанского края в 1882–1883 гг. указывал в своем отчете, что административный контроль за деятельностью “туземных” судов весьма затруднителен, поскольку российские чиновники плохо знали как обычное право (адат), так и шариат [11, с. 338].

Волостные и чрезвычайные уездные съезды судей собирались далеко не так регулярно,

как того требовали обстоятельства. Это давало возможность судам по обычному праву (адату) часто принимать произвольные (не в интересах простого народа) решения. Сенатор – “ревизор” Туркестанского края в 1908–1909 гг. К.К. Пален писал по этому поводу, что “назначение народного суда отправлять правосудие по обычаям выродилось в лицепрятное служение со стороны судей хищническим инстинктам партийных главарей и угнетение народных масс” [12, с. 42]. Безусловно, что от этого, прежде всего, страдал престиж российских колониальных властей в Центральной Азии.

В последние годы правления К.П. Кауфмана в царском правительстве стали осознавать, что край нуждается в новом правительственном “положении” об управлении, более соответствующем возросшим требованиям времени, но, главное, законодательно утвержденном и устанавливающим строгие рамки для деятельности административных, судебных и иных учреждений российской власти в Туркестане. Однако при жизни первого туркестанского генерал-губернатора – всемогущего фаворита императора Александра II и военного министра Д.А. Милюткина, никто не осмеливался посягнуть серьезным образом на основополагающие принципы осуществления власти в крае. Лишь после смерти К.П. Кауфмана в Туркестанском крае была проведена правительственная “ревизия” под председательством сенатора, тайного советника Ф.К. Гирса (в 1882–1883 гг.). Ее результаты весьма озадачили правительство и в начале 1884 г. была образована правительственная комиссия во главе с недавним министром внутренних дел, графом Н.П. Игнатьевым, в задачу которой входила выработка проекта нового “Положения об управлении Туркестанским краем”, что и было сделано в течение двух лет.

Одной из основных проблем Проекта была реорганизация принципов деятельности “туземного” судопроизводства. В начале 1886 г. Проект нового “Положения об управлении Туркестанским краем” был представлен на рассмотрение Государственного Совета. Последний одобрил Проект и выразил “Мнение”, рекомендовавшее Александру III утвердить новое “Положение об управлении Туркестанским краем”, что и произошло 12 июня 1886 г. [13, с. 318–344; 14, с. 233–255]. Таким образом, Туркестанский край получил наконец, после почти двух десятилетий “настоящее” (то есть законодательно утвержденное) правительственное “Положение” об управлении, в котором вопросы отношения властей к судопроизводству по обычному праву (адату)

кочевых народов края были разработаны более конкретно и детально, что свидетельствовало о том, что власти учли опыт своих взаимоотношений с “кочевым” судопроизводством.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что административный контроль и надзор за деятельностью судопроизводства по обычному праву (адату) осуществлялся, однако он был, в известной мере, спорадическим и ограниченным. Но главное, в отличие от ханского времени, российские власти действительно избегали открытого вмешательства в судопроизводство, не используя должным образом даже те возможности влияния на него, которыми располагали на основании соответствующих правительственных законоположений. Поэтому можно согласиться с тем, что в рассматриваемый период “фактически действенного контроля со стороны русской администрации за деятельностью народных судов не существовало, и они действовали так, как и до присоединения к России” [15, с. 97].

Литература

1. Высочайше утвержденное “Временное положение об управлении Туркестанской областью”. 6 августа 1865 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. 1865 г. СПб., 1867. № 42372.
2. Об устройстве судебной части в Туркестанской области // Архив СПб. филиала ИВ РАН. Ф. 33 (А.Л. Кун). Оп. 1. Д. 261.
3. Об учреждении Туркестанского Генерал-губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-дарьинской. 11 июля 1867 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1. 1867 г. СПб. 1871. № 44831.
4. Об учреждении Туркестанского Военного Округа. 13 июля 1867 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1. 1867 г. СПб. 1871. № 44844.
5. Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. – СПб.: Типография Военного министерства, 1867.
6. Туркестанские ведомости. – 1873. – № 42. – 23 октября.
7. *Мальшев Н.* Обычное семейное право кыргызов. – Ярославль, 1902.
8. *Аничков И.* Очерки народной жизни Северного Туркестана. – М., 1899.
9. Туркестанские ведомости. – 1899. – № 8. – 27 января.
10. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии: В 3-х т. – СПб., 1906.
11. Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. – СПб., 1883.
12. *Пален К.К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды. – СПб., 1910.
13. Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 6. 1886 г. СПб., 1888. № 3814.
14. Свод законов Российской Империи. Т. 2. Ч. 1. – СПб., 1900.
15. *Саидбаев Т.С.* Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. – М., 1978.